

ФИЛОСОФИЯ

УДК 323.272+321.7+323.2 (470+571)

**О ЗАКОНАХ ИСТОРИИ, ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЯХ
И ВОЗМОЖНОСТИ БЕЛОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ***Л.А. Мусаелян*

В последние годы среди обществоведов, как отечественных, так и зарубежных, одной из наиболее актуальных проблем стала тема настоящего и будущего России. Она особенно остро обсуждалась прошлой зимой в период массовых протестных митингов, вызванных прошедшими выборами. За рубежом и у нас в стране появились публикации о надвигающейся «белой революции» в России. В статье предпринята попытка показать связь «цветных революций» с объективными историческими тенденциями развития человечества. В публикации рассматриваются основополагающие принципы демократического общества, показывается их связь с гуманизацией общественной жизни и стабильностью государственной власти. Исследуются внешние и внутренние условия и факторы, которые делают возможными «цветные революции».

Ключевые слова: цветные революции; кризис демократии; политическая система; теневые глобальные структуры; управляемый хаос; политические реформы.

Бурные события прошлого года в северной Африке и многотысячные протестные демонстрации в декабре–феврале 2011–2012 гг. у нас в стране дали основание вспомнить почти забытое современным обществознанием открытие Маркса — закон роста основательности исторического процесса. Идея о росте основательности истории вытекает из материалистического понимания исторического процесса. Эта концепция показывает, что каждая ступень истории застаёт в наличии определенную сумму производительных сил, капиталов, социальных форм общения, которые, с одной стороны, предписывают существующему поколению его условия жизни и направление последующего движения, а с другой, — видоизменяются новыми поколениями [14, с. 37]. В силу того, что каждое новое поколение не просто перенимает от предшествующих поколений эту «реальную основу истории», а видоизменяет и обогащает ее, исторический процесс приобретает аккумулятивный характер. В этой связи рост основательности истории и ее ускорение являются сущностными тенденциями развития челове-

ства. Как отмечал К. Маркс, люди сами делают свою историю, поэтому «вместе с основательностью исторического действия будет [...] расти и объем массы, делом которой оно является» [15, с. 90]. Теоретически осмыслив историю, В.И. Ленин, в свою очередь подтверждает вывод К. Маркса и Ф. Энгельса: «По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем» [12, с. 539–540]. Закон роста основательности истории имеет и политический контекст, который изначально оказался вне внимания исследователей. «...Основа, на которой каждый новый класс устанавливает свое господство, шире той основы, на которую опирался класс господствовавший до него...» [14, с. 48]. Отсюда следует, что демократизация общественной жизни является определяющей тенденцией развития человечества. В этой связи тот факт, что в современную эпоху демократия становится наиболее распространенной формой (режимом) правления, не является случайностью.

Признаки демократического общества общеизвестны — это верховенство конституции и законов, равенство всех перед законом, исключительность закона, народовластие, основанное на свободном волеизъявлении граждан во время выборов, невозможность властных или иных структур влиять на результаты выборов, справедливость как базовый принцип организации общественной жизни и т.д. Конечно, страны, которая отвечала бы всем требованиям демократии в действительности нет. Есть конкретные общества, которые порой существенно отличаются от демократического идеала. И если вопрос о характеристиках демократического социального идеала не вызывает дискуссий, то этого нельзя сказать по поводу претензий той или иной страны выступить в роли модели демократии, которую нередко упорно навязывают другим народам, разрушая их исторические традиции и устои.

Демократизация общественной жизни, обусловленная ростом основательности исторического процесса, означает движение человечества к идеалу путем расширения социальных и юридических механизмов, обеспечивающих реальные права и свободы граждан. Поскольку права и свободы есть средство самореализации и саморазвития индивидов, можно сказать, что демократизация общественной жизни ведет к ее гуманизации, превращению человека в высшую ценность. Гуманизация политической системы и общества в целом есть индикатор развития демократии. В то же время гуманизация политической сферы общественной жизни есть верное средство повышения эффективности деятельности власти, ибо она находит понимание и поддержку со стороны граждан. Поэтому гуманизация есть способ расширения социальной базы власти и, следовательно, ее основательности и устойчивости.

Среди факторов, влияющих на активность граждан, на наш взгляд, определяющее значение имеют следующие: насколько полно политика властей отвечает интересам народа, прозрачность и понятность для населения деятельности властей, наличие в обществе политико-правовых инструментов контроля и влияния на власть. Демократия, по мнению В.В. Путина, «заключается как в фундаментальном праве народа выбирать власть, так и возможности непрерывно влиять на власть и процесс принятия

решений. А значит, демократия должна иметь механизмы постоянного и прямого действия, эффективные каналы диалога, общественного контроля и “обратной связи”» [18]. С этим трудно не согласиться. Вопрос лишь в том, что мешало автору и его единомышленникам реализовать эти важнейшие требования демократического общества в прошедшие двенадцать лет.

При соблюдении всех названных выше условий власть имеет широкую поддержку среди народа, она основательна и прочна и никакие революции ей не страшны. И. Гердер сравнивал государство с пирамидой, которая стоит на широком основании. Понятно, чем шире основание, т.е. социальная база, тем прочнее власть государства. По мысли философа в природе человека не заложена необходимость существования для него господина, деспота. «Человек, нуждающийся в господине, — животное», — утверждал ученый [5]. Государство, по мнению немецкого просветителя, есть машина, которая подавляет свободу, угнетает человека, «превращая его в “винтик” такой машины» [5]. «Самый лучший правитель, — пишет в этой связи Гердер, — тот, кто в меру своих возможностей способствует наступлению такого состояния, при котором человечеству, наконец (когда же это будет?), не нужны будут никакие правители... Народу нужен господин до тех пор, пока у него нет своего разума: чем больше у народа появляется разума и способностей к самоуправлению, тем слабее должно становиться правительство, а под конец и вовсе исчезнуть» [7]. Словом, в исторической перспективе человечество должно прийти к ступени безгосударственного состояния, где через развитую систему общественного самоуправления станет возможной свободная и счастливая жизнь индивидов. Необходимо отметить, что марксистское учение об отмирании государства сформировалось не без влияния Лессинга и Гердера. В воззрениях немецких просветителей представляется важной позитивная оценка тех действий правителя, которые приводят, если выразиться современным языком, к демократизации государства. Судя по предвыборным публикациям, современная российская власть осознает необходимость подобных преобразований. «Сегодня качество нашего государства, — отмечает В.В. Путин, — отстает от го-

товности гражданского общества в нем участвовать [...] нам надо обновить механизмы нашей демократии. Они должны «вместить» возросшую общественную активность» [18]. Реализация этих предвыборных заявлений, конечно, будет способствовать укреплению демократических устоев государства и преодолению существующего отчуждения между властью и обществом. Однако планируемая децентрализация федеральной власти, передача ее властных функций на нижележащие уровни, дальнейшее расширение прав и свобод граждан могут дать прямо противоположный результат, если одновременно с этим не будут предприняты меры по повышению эффективности управления. В странах, не отличающихся социально-экономической, этнической, конфессиональной гомогенностью населения, процессы демократизации, сопровождаемые ослаблением властных функций государства, могут привести к росту центробежных тенденций и распаду государства. Автору перестройки и в кошмарных снах не могло присниться то, что произошло с его страной спустя несколько лет после того, как он объявил миру, что «процесс пошел». Снижение управляемости государством, как это показали события в СССР и других странах, приводят к появлению условий для усиления влияния на внутреннюю жизнь общества внешних факторов. В последние двадцать-тридцать лет воздействие этих факторов на политическую ситуацию различных стран заметно возросло. С чем это связано?

Глобализация человечества привела к появлению в последней четверти XX века новых субъектов исторического процесса, деятельность которых происходит преимущественно в сфере непубличного взаимодействия. Неформальное, скрытое взаимодействие, как правило, лишено конкуренции и внешних помех. Поэтому оно оказывается более эффективным, чем формальные коммуникации. Ведущими игроками этих непубличных взаимодействий выступают глобальные финансовые структуры. Они фактически являются теневыми акторами исторического процесса. Их экономические и политические интересы имеют транснациональный характер. Поэтому они являются одновременно новыми субъектами глобализации. Деятельность этих теневых субъектов глобализации сопровождается взламыванием админи-

стративных, государственных границ различных стран, проникновением в их экономическую, политическую сферы общественной жизни. Преимущественно непубличный характер деятельности глобальных корпораций не позволяет контролировать их активность средствами национального и международного права. Правоохранительные органы государств, на территории которых находятся штаб-квартиры этих глобальных корпораций, чаще всего не замечают подобную деятельность, поскольку высшие ветви власти, как правило, находятся в тесной связи с ними. Публичное отстаивание интересов глобальных теневых структур осуществляется через различные негосударственные организации (МВБ, ВБ, ВТО и т.д.), где представители развитых западных стран занимают ведущие позиции. Они защищают неолиберальные принципы свободного передвижения капиталов, товаров, услуг, критикуют Вестфальские соглашения, политику государственного суверенитета и т.д.

Достаточно распространенной формой «мирного» вмешательства глобальных теневых структур во внутреннюю жизнь государств стала практика организаций «цветных революций» или «добровольного» заимствования западных демократических институтов. Формальная демократия со стандартным набором демократических институтов, как отмечает М. Делягин, является условием и способом скрытого влияния, а иногда и разрушительного произвола глобальных управленческих сетей [8]. Много лет президент Киргизии Аскар Акаев пытался формально следовать западным правилам демократии. Именно в этой республике сравнительно со странами СНГ находится рекордное количество западных фондов и обществ. «Революция тюльпанов» в 2005 г. завершила политическую эпоху А. Акаева. И после этого Киргизия не раз испытала разрушительные политические потрясения. Технология цветных революций была применена в конце 80-х годов в Польше, в 2000 г. — в Сербии, в 2003 г. — в Грузии («революция роз»), в 2004–2005 гг. — в Украине («Оранжевая революция»). Как отмечает Ф. Фукуяма, каждый раз события развивались по одному и тому же сценарию с известным эпилогом: в стране происходила ненасильственная демократическая смена режима. По мнению ученого, во всех случаях смены власти

(а по существу государственного переворота — Л.М.) внешняя поддержка сыграла решающую роль [21, с. 182]. Книга Ф. Фукуямы представляет интерес для читателя (особенно россиянина) не только потому, что автор перечисляет конкретные общественные организации и движения в разных странах, которые получали щедрую финансовую, технологическую, политическую поддержку от многочисленных западных (в основном американских) фондов, но и тем, что в ней американский исследователь со знанием дела раскрывает условия, при которых может быть реализована концепция транзита демократий.

Согласно Ф. Фукуяме, первым необходимым условием успешного внедрения демократии является наличие в стране сплоченных сильных групп, способных противостоять режиму и стать инициатором политических перемен. «Внешние спонсоры и организации, — отмечает американский исследователь, — играют определяющую роль в укреплении таких организаций, но необходимо, чтобы последние имели корни в своей стране» [21, с. 183]. Как известно, немало подобных организаций появилось в России в начале 90-х годов. В настоящее время в нашей стране зарегистрировано 230 тыс. НКО, из них 30% недействующие. По экспертным оценкам финансирование российских НКО осуществляется на 70% из бюджета иностранных государств, 20% — от ТНК, еще 10–15% — от частных пожертвований [16]. Львиная доля доноров российских институтов гражданского общества находятся в США и контролируется правительством этой страны. Недавно (март 2012 г.) администрация Барака Обамы выступила с предложением создать еще один подобный фонд — фонд поддержки развития гражданского общества в России. Уместно здесь отметить то, что эта инициатива американского руководства возникла после того, как многочисленные декабрьские и февральские протестные митинги, вызванные нечестными выборами, фактически закончились ничем. Иначе, вопреки некоторым прогнозам, события стали развиваться по иному сценарию.

Вторым условием успешного внедрения демократии является существование в стране частично авторитарного режима. Такая форма правления естественно вызывает недовольство у немалой части населения и создает социаль-

ную базу для протестного движения. В то же время она допускает формальное существование различных демократических институтов: проведение выборов, некоторую степень гражданских свобод и т.д. В этих условиях «взрыв происходит тогда, когда имеет место искра — политическое убийство или недобросовестно проведенные выборы» [21, с. 183]. Революции в Сербии, Грузии, Украине, отмечает Фукуяма, не могли произойти, если бы там не было возможно проведение конкурентных выборов. По мысли исследователя, в тоталитарных странах и большинстве коммунистических регионов до 1989 г. подобная тактика не сработала бы [21, с. 184]. В этих случаях, как свидетельствуют события в Югославии, Ираке, Ливии (какая страна следующая?), США и их союзники внедряли демократию при помощи крылатых ракет и «умных» бомб.

Третьим условием мирного свержения власти является наличие в стране особой социальной реальности, в которой проявляются сильные националистические настроения, желание присоединиться к западному сообществу и готовность ради этого получить помощь от США. Понятно, что подобная социальная реальность с соответствующей общественно-психологической атмосферой и установками не возникает вдруг, спонтанно или случайно. Она создается в результате целенаправленной работы. Этот аспект проблемы философ Фукуяма как-то обходит. Зато достаточно откровенен здесь сам автор технологии «бархатных революций». Согласно Дж. Шарпу, демократическая революция есть результат реализации хорошо разработанного стратегического плана и поэтапного следования ему. Генеральная стратегия оппозиции, пишет Дж. Шарп, — это свержение режима [23]. Отсюда еще одно требование политтехнолога к деятельности оппозиции — никаких переговоров с властями. «Когда ставятся вопросы фундаментального характера, затрагивающие принципы религии, проблемы прав человека или будущего развития общества, переговоры не являются способом достижения взаимоприемлемого решения проблемы. [...] Лишь изменение в распределении власти в пользу демократии может обеспечить адекватное решение данного вопроса» [23]. В свете этих рекомендаций Шарпа агрессивная «упертость» оппозиции в Грузии, Украине, Кирги-

зии, нежелание идти ни на какие переговоры и компромиссы с властями нельзя не трактовать как прилежное следование учеников соответствующим предписаниям заокеанских учителей. Но если акции протеста оппозиции вышли за рамки мирных демонстраций и митингов, льется кровь, парализованы основные сферы общественной жизни, почему бы не сесть за переговоры и не договориться о прекращении кровопролития? «Добиться на переговорах мира, — пишет Дж. Шарп, — это вовсе не значит добиться свободы и справедливости» [23]. Приведенные идеи технолога политического луддизма многие объясняют в действиях так называемой демократической оппозиции в Египте, Ливии, а теперь и в Сирии. Требования оппозиции должны быть выполнены любой ценой, если даже цена тому десятки тысяч жизней и целостность государства! Известно, что распад СССР произошел не без помощи внешних сил. В недавнем интервью Би-би-си Дж. Шарп признал, что Прибалтика — это дело его рук. Интересно то, что технолог цветных революций натаскивал своих «лучших учеников» (оценка Дж. Шарпа) — латышей и литовцев в Москве под носом у КГБ [20].

Прежде чем вернуться к проблемам нашей страны, необходимо заметить, что «арабская весна» 2010 г. показала, что транзит демократии Запад осуществляет избирательно. В странах с более низким уровнем жизни и худшей ситуацией с правами человека, чем в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии, массовые протесты населения не нашли поддержки со стороны демократического Запада. Проблемы регионов или той или иной страны, особенно такой, как Россия, невозможно понять, если абстрагироваться от современного мирового исторического процесса.

После второй мировой войны в течение почти пятидесяти лет характер и содержание исторического процесса определялись в основном соперничеством двух сверхдержав — США и СССР. Холодная война представляла ожесточенную борьбу двух идеологий, образов жизни, социальных идеалов, видения перспектив развития человечества. Распад СССР был воспринят его оппонентами не просто как конец холодной войны, а как историческая победа Запада и прежде всего США. Как глобальное явление холодная война была по своей сущно-

сти разновидностью мировой войны, после окончания которой победители по-новому перекраивают карту мира. Целью подобной деятельности победителя было создание такой геополитической ситуации в мире, которая блокировала бы всякую возможность возникновения потенциальных угроз для США. Доктрины «Нового мирового порядка» Дж. Буша старшего, продолженные его сыном и «Расчистка площадей» Б. Клинтона, были призваны решить эту геополитическую задачу. Реализуя эти программы, США с начала 90-х годов начинают активно расширять и укреплять сферу своего влияния в странах, ранее входивших в социалистический блок или в состав СССР. Эти государства экономически, технологически, духовно были связаны с правопреемницей бывшей сверхдержавы. Поэтому подобная активность США фактически означала вытеснение России из постсоциалистического, постсоветского пространства. Для США было важно не просто оторвать эти страны от России, интегрировав их с Западом, но и взять их под свой контроль. Для этого им оказали «высокое доверие» войти в состав НАТО. Власти новой России, вероятно загипнотизированные вниманием и финансовой помощью Запада, отказались соперничать с ним не только на постсоциалистическом, но и на постсоветском пространстве, что, на наш взгляд, нанесло весомый урон геополитическим интересам государства. Длительные напряженные отношения с Украиной и Грузией, а затем и война с последней — тому свидетельство. С точки зрения З. Бжезинского, возникновение интеграционных процессов между Россией и бывшими союзными республиками, особенно Украиной и Беларусью, следует расценивать как возрождение евразийской империи, что таит угрозу миру [3]. Понятно, что, по логике американского политолога, то, что противоречит интересам США, является угрозой миру. Поэтому политика Запада направлена на блокирование любых таких тенденций. Отсюда открытая поддержка прозападных политических сил и откровенных националистов в бывших советских республиках, упорные попытки создания некоего «анти-СНГ». В 1997 г. была создана такая структура под названием «Организация за демократию и экономическое развитие — ГУАМ». В нее вошли Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова. С 1999 по 2005

год в эту организацию входил и Узбекистан (ГУУАМ). Цель создания ГУАМа, как следовало из официально принятых документов, была интеграция в европейские и евроатлантические структуры. Симптоматично, что главы государств, входящих в ГУАМ, продекларировали цели и задачи этой организации на юбилейном саммите НАТО в Вашингтоне в 1999 г. [6]. В том же году Грузия, Азербайджан, Узбекистан вышли из Договора о коллективной безопасности. Это уже не оставило ни у кого сомнения в политической направленности созданной организации. Среди первоочередных задач члены ГУАМа считали решение замороженных конфликтов, создание совместных военных блоков и ревизию существующей системы безопасности. Однако деятельность созданной структуры оказалась неэффективной, если не считать активные антироссийские выступления высокопоставленных представителей этих государств в различных международных институтах и форумах. Лишь после «революции роз» в Грузии и «оранжевой» на Украине решение объявленных ранее задач и достижение целей этой организации перешло в практическую плоскость, о чем свидетельствовала война Грузии в Южной Осетии в августе 2008 г. Беспрецедентная информационная поддержка Грузии Западом свидетельствовала о том, что война была санкционирована мировой державой. Однако драматические события 11.09.2001, мировой финансовый кризис и результаты пятидневной войны на Кавказе указывали на то, что эпоха монополярного мира, возникшая после распада СССР, уходит в прошлое. «...В мире, — отмечает гурӯ американской политики З. Бжезинский, — идет процесс децентрализации. Мощь, сила, влияние неотвратимо смещаются с Запада на Восток» [2]. Представляется интересным еще одно признание З. Бжезинского. «...С прискорбием приходится констатировать: за последние 20 лет мы растеряли уникальный кредит, который история предоставила нам в результате развала Советского Союза». И далее — «у нас была возможность начать переделывать мир, а в результате получилась ситуация куда более неспокойная и сложная, чем была до этого» [2]. О наступлении более сложного и опасного периода истории, чем холодная война, говорил академик Г. Арбатов. Об этом писали и пишут

многие другие западные и отечественные исследователи [17].

С начала 2000-х годов становится все более очевидным смещение центра мировой истории. Одновременно происходит глобальное политическое пробуждение народов. Оба процесса создают реальную угрозу разрушения устоявшихся политических, экономических, ресурсных связей ядра мировой истории со странами полупериферии и периферии. В этих условиях эффективность деятельности международных институтов и организаций, обеспечивающих определенную стабильность в мире, ослабевает, зато возрастает влияние теневых глобальных структур. Их деятельность наиболее активна в странах, представляющих ресурсные зоны планеты, стратегически важные центры контроля регионов, и в государствах, чья самостоятельная внутренняя и внешняя попытка вызывает недовольство глобальных субъектов истории. Задача теневых глобальных структур — создание ситуации контролируемого и управляемого хаоса. Цель их деятельности — сохранение контроля над стратегически важными регионами и выдавливание оттуда своих конкурентов. Как достигается эта цель, показала «арабская весна». Ведущие акторы мировой политики с легкостью «сдали» своих союзников и встали на сторону оппозиции, возглавляемой преимущественно религиозными фундаменталистами — заклятыми врагами Запада. Конечно, поддержка оппозиции, применяющей очень часто террористические методы борьбы с существующим режимом, происходит через глобальные теневые структуры. В сфере публичной политики декларируется защита незыблемых демократических принципов, прав и свобод человека, и это несмотря на то, что вооруженная борьба оппозиции против власти приводит к гибели и страданиям не одной тысячи гражданских лиц. Разумеется, всякие призывы о мирном диалоге с властью оппозиция отвергает. Единственное условие прекращения насилия — передача политической власти оппозиции. Все по сценарию Дж. Шарпа.

Итак, в мире происходит постепенная перестройка сложившейся политической, экономической, финансовой архитектоники. Человечество приближается к состоянию бифуркации и хаоса. Возникают условия для возрастания влияния глобальных теневых систем на ход со-

бытий в отдельных странах или регионах. В связи с вышеизложенным возникает вопрос, существует ли реальная угроза распада современного российского государства (или цветной революции, о чем много говорилось во время пика протестных митингов в декабре–январе 2011–2012 гг.)? Кроме того, есть ли у России реальная возможность выбраться из опасной полупериферийной зоны и войти в число лидеров мирового исторического процесса? Представляется, что на оба вопроса можно дать положительный ответ. Ответ на второй вопрос требует подробного анализа состояний всех сфер общественной жизни и обоснования способов вывода страны из кризиса. Это требует отдельного самостоятельного исследования, выходящего за рамки целей данной статьи. Здесь же попытаемся ответить на первый вопрос, ограничиваясь лишь осмыслением особенностей политической системы современной России.

В последние два десятилетия многие исследователи пишут о существовании глобального кризиса демократии [1]. Политическая система постсоветской России, как и многое другое, было механически заимствовано с Запада и несет в себе все ее изъяны. Указанный кризис проявляется прежде всего в вырождении важнейшего института демократии — выборов. Очень часто выборы превращаются в состязание «денежных мешков» за властные полномочия, что фактически означает наличие экономического ценза в реализации политических прав граждан. Технология проведения выборов (особенно претендентов на высшую власть) такова, что нередко побеждает получивший 10–15% голосов избирателей, что лишает основания мнение о современной демократии как о народовласти. Сужение социальной базы политической власти противоречит общей тенденции развития человечества — росту основательности исторического процесса и демократизации политической системы, о чем говорилось в начале статьи. Легитимность как правовой феномен имеет свои онтологические основания в существующей социальной реальности и объективных законах ее развития. Сужение социальной базы политической власти свидетельствует и о кризисе важнейшего феномена современной цивилизации — легитимности [11].

Кризис демократии — это и исчезновение неопределенности результатов выборов до голосования. Предопределенность выборов превращает свободное волеизъявление народа в формальный политический ритуал, организованный и управляемый политтехнологами, а самих граждан (электорат) — в статистов проводимого мероприятия. Масштабное вовлечение политтехнологов и политконсультантов «в избирательный процесс и процесс принятия политических решений ставит демократию перед новым серьезным вопросом и прежде всего вопросом о легитимности» [19, с. 39]. В России в последние 15–20 лет роль подобных специалистов в политической жизни страны резко возросла. Их услуги культивирования в обществе «демократии по найму» законом не регулируются, а властями не афишируются. Находясь в тени властей и определяя решения последних, они не несут никакой ответственности за свою деятельность. «В политике есть неизбежная доля политтехнологий, — признает В.В. Путин, — но имиджмейкеры, “мастера билбордов” не должны управлять политиками» [18]. Пожелания политика понятны, ведь появление посредника между властью и народом отдаляет власть от народа и усиливает недоверие населения к властям, порождая взаимное отчуждение. Государство, отмечает известный немецкий теоретик государства и права К. Шмидт, есть особый «статус политического единства народа» [24, с. 40]. Отчуждение власти от народа подрывает сами устои государства. Власть при этом лишается своей репрезентативной природы. «Идея репрезентации, — пишет К. Шмидт, — основана на том, что народ, существующий в качестве политического единства, обладает высшим и возвышенным, и более интенсивным видом бытия в отличие от существования какой-либо совместно проживающей группы людей» [24, с. 49]. Перечисленные признаки кризиса демократии в разной степени дают о себе знать в большинстве современных стран. В России, где демократические институты были механически перенесены с Запада без учета особенностей существующей социальной реальности, эти черты кризиса приобрели более рельефный характер. Здесь помимо общих признаков кризиса есть и свои собственные российские недуги. Оставляя в стороне практику чрезмерного использования

административного ресурса во время избирательных кампаний, фальсификации результатов выборов, свидетельствующими о кризисе системы парламентского и партийно-политического представительства, отметим еще одну наиболее значимую для граждан страны проблему — кризис российской системы правосудия (господство «басманного суда»). Если быть объективным, следует признать системный кризис институтов правоприменения и правоохранения, который свидетельствует об отсутствии у власти вопреки требованиям времени действенных инструментов управления обществом. Кризис системы правоохранения и правоприменения является раздражающим фактором, усиливающим недоверие населения к российскому государству. Разрыв, отчуждение между народом и властью — одна из важных причин низкой эффективности последней. Частота, с которой в современной России падают самолеты, ракеты, тонут корабли, горят предприятия, гибнут люди, напоминает ситуацию, сложившуюся в СССР в конце 80-х годов. Как и тогда, все это симптомы системного кризиса управления. К чему это может привести, напоминает опыт Советского Союза. «Периодическое крушение российской государственности (дважды в XX столетии), — отмечает С. Магарил, — свидетельствует о низком качестве стратегического национально-государственного управления и вынуждает задуматься о причинах сокращения жизненного цикла каждой следующей версии государства» [13, с. 213].

Низкая эффективность управления связана с особенностями сложившейся в стране политической системы. Возникновение классических политических партий раньше происходило «снизу». Наиболее активная часть класса, социального слоя общества самоорганизовывалась, принимала политическую программу, публиковала ее и участвовала в борьбе за власть. Партии так или иначе выражали интересы определенных слоев населения, и потому были репрезентативны. Это обязывало их выбирать открытую публичную политику в качестве основной формы своей деятельности.

В современном атомизированном обществе, каким уже является и Россия, на смену традиционным политическим организациям пришли наспех сколоченные «сверху» разнообразные

постмодернистские партии-предприятия, партии-фантомы, представляющие преимущественно самих себя [4]. Новый закон о политических партиях резко увеличит количество подобных «политических симулякров». Сфера деятельности партий-симулякров не публичная, а виртуальная политика. Если в прежних партиях основой коммуникации с избирателями и средством конкуренции являлась политическая программа, то в современных — политический лидер. Он становится символом, брендом партии, заменителем ее программы и идеологии. Имидж лидера оказывается средством политической конкуренции и политической стабильности. Словом, происходит персонализация политики. Это в свою очередь приводит к радикальному изменению идеологической борьбы. «Персонализация политики, — отмечает М. Кастельс, — означает, что самой эффективной формой идеологической борьбы становятся нападки на человека. Клевета и сплетни становятся важнейшим искусством в политике, ведь негативные сообщения в пять раз эффективнее позитивного» [10, с. 64]. Отсюда прямая связь между персонализацией политики и ее медиатизацией, практикой политических скандалов. Понятно, что к подобной практике особо часто прибегают в период предвыборной борьбы. Показательны в этом плане скандальные телепередачи в начале 2000-х гг. С. Доренко (прозванного в последующем информационным киллером), нацеленные на устранение политических конкурентов преемника первого президента России, или телерепортажи А. Караулова во время последних выборов, когда он систематически втапывал в грязь лидера КПРФ, широкое освещение в СМИ секс-скандалов экс-главы МВФ Д. Стросс-Кана, лишившего его возможности участвовать в политической борьбе за президентское кресло Франции. Широкое распространение в мире подобных форм политической конкуренции, по мнению М. Кастельса, есть выражение «глубочайшего кризиса политической легитимности» [10, с. 64]. Таким образом, кризис демократии — это и кризис легитимности политической власти.

В России персоналистический характер политической власти имеет давние традиции. Менялись исторические эпохи, типы государств, но характер политической власти оставался не-

зыблемым. Конституция РФ провозгласила широкие права и свободы (ст. 17–64), ввела разделение властей (ст. 10), провозгласила независимость суда (ст. 120–122), но, наделив главу государства широчайшими полномочиями, фактически воссоздала верховную моноцентрическую власть. Иначе, основной закон новой демократической России институционально закрепил исторические традиции моноцентрической персонифицированной политической власти [22, с. 8]. Продление с 2012 г. президентской инвеституры до шести лет свидетельствует об устойчивости отмеченной традиции.

Полномочия президента России контрастируют с куцыми правами федеральных представительных органов власти, которые фактически не имеют возможности влиять на состав, идеологию, политику правительства. К тому же большинство мест в них уже много лет принадлежит партии власти, что позволяет последней, минуя сложные процедуры обсуждений, переговоров, согласований с политическими оппонентами, без существенных изменений штамповать законопроекты, подготовленные их единомышленниками в администрации президента и аппарате правительства. В этом контексте мысль экс-спикера Государственной думы Б. Грызлова о том, что Дума не место для политических дискуссий, не так уж и далека от истины. Это скандальное заявление российского политика лишь подтверждает известный факт — имитационный характер демократических институтов в России.

Персоналистический характер имеет и власть в регионах, где до последнего времени главы субъектов федерации фактически назначались президентом. Излишне говорить, что большинство губернаторов являлись членами «Единой России», точно так же как большинство депутатов — в представительных органах регионов. Членами «Единой России» являются, как правило, руководители государственных вузов, топ-менеджеры крупных промышленных предприятий, федеральные и региональные чиновники и т.д. Подобная политическая вертикаль позволяет власти во время выборов максимально задействовать административный ресурс. Преимущества, полученные от использования административного ресурса и подконтрольных государству СМИ, значительно уси-

ливаются особенностями существующего законодательства о выборах. Все это не только гарантирует победу партии власти на выборах, но и обеспечивает ей абсолютное большинство в представительных органах государства. Монопольное господство «Единой России» в законодательных органах государства позволяет власти быстро и без проблем принимать нужные законы. Без этого вряд ли были возможны столь непопулярные среди населения реформы в сфере ЖКХ, образования, здравоохранения и т.д. Учитывая, что более девяноста процентов законопроектов разрабатывается в администрации президента, можно сказать, что этот чисто технический орган по Конституции превратился в основной законотворческий институт, а Государственная дума из законотворческого института — в технический инструмент реализации принятых властью решений. Данное обстоятельство, а также особенность функционирования российской системы судопроизводства, о чем говорилось ранее, дают основание для вывода — конституционная норма разделения властей имеет преимущественно декларативный характер.

Существующая в России моноцентрическая политическая вертикаль при внешнем демократическом декоре несет в себе явные признаки феодального общества с иерархической системой вассальных отношений и зависимостей низов от верхов. Есть основание полагать, что это национальная особенность нашей страны. В СССР была та же болезнь, хотя КПСС, на наш взгляд, была партией совершенно иного типа, чем ныне существующие политические организации. Ситуация на административно-территориальной единице (республике, области, районе) зависела не только от интеллектуальных и организаторских способностей местного руководителя, который был здесь фактически князьком, но и от личных отношений с вышестоящим начальством (секретарем обкома, республики, Генеральным секретарем). Уместно здесь порекомендовать молодому читателю ознакомиться с выступлениями Первого секретаря ЦК КП Азербайджана Г. Алиева или Первого секретаря ЦК КП Грузии Э. Шеварднадзе на встрече Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева во время его визита в Баку и соответственно в Тбилиси. Если отношение союзного центра к республике

зависит от благосклонности Генерального секретаря, партийно-политический этикет, общепринятые нормы приличия отбрасываются напрочь. Если слух первого лица привыкает к елею, то зрение его заметно ослабевает и перестает замечать то, что не заметить нельзя. Неспособность политического руководства СССР адекватно воспроизводить окружающую социальную реальность и своевременно принимать меры по реформированию страны были одним из факторов развала Советского Союза. В современной России институциональные связи изменились по форме, но не по содержанию и сущности. Персоналистический характер власти создает сегодня две опасные для будущего России напасти — непрофессионализм и коррупцию. «Россия, — отмечает Н. Злобин, — превратилась в страну непрофессионалов» [9]. Это и понятно. Когда личная лояльность, старые связи, политическая близость, замещает профессионализм, ожидать эффективного управления не приходится. Сегодня нет признаков того, что подобная кадровая политика ушла в прошлое. Существующий характер властных отношений определяет разные правила игры для разных представителей властных и институциональных структур. Когда не закон, не единые и понятные для всех правила игры определяют жизнедеятельность людей в обществе, коррупции не может не быть. Это означает, что значительная часть экономических, политических, социальных и других отношений уходит в тень, приобретая неформальный характер. В такой среде возникают условия для усиления влияния на жизнь страны неформальных глобальных структур. И чем больше будет различие между декларируемым демократическим принципом равенства всех перед законом и реальным положением вещей, тем будет больше возможностей негативного влияния упомянутых внешних факторов на внутреннюю жизнь государства.

Выборы, как отмечалось, являются важнейшим институтом демократического общества. Однако созданная система «гарантированной победы» «Единой России» превратила этот институт в формальную процедуру утверждения народом выбора, сделанного «наверху» [22, с. 8–12].

Формальный характер имеют и многие другие институты демократии: многопартийность,

политическая конкуренция и т.д., что вызывает справедливое недовольство граждан страны. Но не только это является предметом критики.

Особенностью современной политической системы России является и то, что она породила всеобщую безответственность. Ни партии, ни правительство, ни президент страны ответственности перед населением за проводимую политику не несут. Народ фактически лишен каналов влияния на власть. В самом деле, политическая карьера депутата, независимо от его партийной принадлежности, не зависит от мнения избирателей, ибо они голосуют не за конкретного человека, а за партийный список, во главе которого стоят «паровозы» — известные в стране люди — бренды партии. В следующих выборах депутату важно попасть в нужный список, в нужном городе и округе, а это зависит от руководителя партии. Поэтому депутат будет прежде всего прислушиваться к голосу партийного руководства, вождя, а не избирателей.

Но и правительство не зависит от избирателей. Оно не назначается Государственной думой, это прерогатива президента страны. Поэтому Дума формально ответственности за реализуемую политику не несет. Во время выборов даже представители партии власти активно критикуют правительство. Президент и Правительство при реализации политических решений опираются на «Единую Россию», имеющую абсолютное большинство в Государственной думе. Но основатель и руководитель «Единой России» не являлся членом этой партии, что позволяло ему — высшему представителю законодательной и исполнительной власти, когда нужно в соответствии с политической ситуацией дистанцироваться от созданной им партии, как это было во время последних выборов, когда рейтинг партии власти заметно упал. Подобная политическая система породила отчуждение власти от народа и народа от власти. Эта власть опирается преимущественно «не на общество, а на бюрократию, практически сливаясь с ней, во многом находясь в зависимости от нее...» [22, с. 12]. Моноцентрический, персоналистический характер современной российской власти, опирающейся на бюрократию, если образно выразиться, представляет собой пирамиду, стоящую на острие, вершине, а не на основании, как должно быть в нормальных де-

мократических странах, где власть опирается на общество или большую часть его. Понятно, что такая политическая конструкция, несмотря на наличие в ней внутренней жесткой вертикали, крайне неустойчива при воздействии на нее внешних политических сил. Представляется, что понимание отмеченных особенностей российской политической системы, активизирует желание глобальных неформальных структур осуществить «белую революцию» в России. В этой связи не случайно то, что критика нынешней российской власти как из-за рубежа, так и внутри страны, направлена против нынешнего президента России, т.е. вершины пирамиды, на которой зиждется вся политическая конструкция так называемого «путинского режима». Осознает ли власть уязвимость созданной политической системы и угрозу «цветной революции»? Реакция властей на массовые протестные выступления 2011–2012 гг. указывает на то, что такое понимание есть. Предвыборные статьи В.В. Путина и первые шаги по реформе «Единой России», предпринятые ее новым лидером Д.А. Медведевым, свидетельствуют о серьезности их намерений реформировать политическую систему страны. Без этого невозможно создание конкурентоспособного политического пространства, невозможна реальная демократия, невозможна модернизация страны. Это означает, что в реформах нуждается не только «Единая Россия», но и все другие партии, являющиеся по существу вождистскими партиями одного человека — В. Жириновского, Г. Зюганова и т.д.

Демократия предполагает торжество справедливости. Для России это требование имеет особо важное значение, ибо в нашей стране демократия имеет социально-экономический смысл, т.е. низкий разрыв между богатыми и бедными. Между тем, экономическая политика властей постсоветской России отвечала интересам узкого слоя населения, способствовала социально-экономическому расслоению общества, породила кричащую несправедливость.

В своих предвыборных статьях нынешний президент страны представил масштабный план действий в экономике, политической сфере, нацеленных на создание справедливого демократического общества. В случае успешной реализации намеченных программ власть не просто изменит наше общество, она создаст се-

бе широкую социальную базу. Пирамида политической системы приобретет нормальную устойчивую конфигурацию, при которой невозможны никакие «цветные революции». Но в состоянии ли нынешняя власть с ее неизменной неолиберальной, радикально рыночной идеологией, эклектичным мировоззрением реформировать и модернизировать Россию, вывести ее из опасной полупериферийной зоны — это большой вопрос. История дала России еще один шанс. Сегодня она находится на переломном этапе развития, который продлится максимум 8–10 лет. После в любом случае будет другая страна, но какая — это, как показали последние события, зависит не только от российской власти. Что думаете Вы на этот счет, читатель?

Список литературы

1. Баталов Э. Глобальный кризис демократии? // Свободная мысль XXI. 2005. №2. С.13–24; Гаман-Галутвина О.К. Партии и власть // Свободная мысль XXI. 2004. №9. С.77–86; Красин Ю. Метаморфозы демократии в изменяющемся мире // Полис. 2006. №4. С.127–138; Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М., 2011.
2. Бжезинский З. Америка потеряла чувство меры в реальной политике // Комсомольская правда. 13 февр. 2012.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. 1997.
4. Гаман-Галутвина О.К. Указ. соч.
5. Гердер И. Идеи к философии истории человечества. URL: <http://www.marsexx.ru/lit/gerder-prilojenia.html> (дата обращения: 05.05.2012).
6. ГУАМ. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%D3%C0%CC> (дата обращения: 01.05.2012).
7. Гулыга А. Гердер и его «Идеи к философии истории человечества» // Гердер И. Идеи к философии истории человечества. URL: <http://www.marsexx.ru/lit/gerder-prilojenia.html> (дата обращения: 05.05.2012).
8. Делягин М. Непубличный аспект кризиса демократии // Свободная мысль. 2011. №7–8. С.115–130.
9. Злобин Н. Время цели // Рос. газ. 3–9 марта 2012.
10. Кастельс М. Новые индивидуальные медиа // Свободная мысль XXI. 2006. №5. С.62–67.
11. Кревельд М. ван. Указ. соч.
12. Ленин В.И. От какого наследства мы отказыва-

- емся? // Полн. собр. соч. Т.2.
13. *Магарил С.* Что мешает нам усвоить уроки истории // Свободная мысль XXI. 2011. №7–8. С.209–218.
 14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.7–544.
 15. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Т.2. Соч. С.3–230.
 16. *Михайлов А., Шкель Т.* Агент, назовитесь! // Рос. газ. 2 июля 2012.
 17. *Мусаелян Л.А.* Мировой исторический процесс и Россия // Актуальные проблемы социальной философии: сб. науч. тр. Пермь, 2010. С.189–210.
 18. *Путин В.В.* Демократия и качество государства. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/18006/> (дата обращения: 06.02.2012).
 19. *Пишкова С.Н.* По другую сторону прилавка: продавец // Полис. 2009. №2.
 20. *Снегирев Ю.* Завтра была революция // Рос. газ. Неделя. 3–9 мая 2012. №98.
 21. *Фукуяма Ф.* Америка на распутье. М., 2008.
 22. *Холодковский К.Г.* К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. №2. С.7–22.
 23. *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. URL: <http://patriotic-front.narod.ru/Sharp.htm> (дата обращения: 05.05.2012).
 24. *Шмидт К.* Государство и политическая форма. М., 2010.
-

ABOUT THE LAWS OF HISTORY, COLOR REVOLUTIONS AND OPPORTUNITIES
OF THE WHITE REVOLUTION IN RUSSIA

Lyeva A. Musayelyan

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

In recent years one of the most actual issues among social scientists, both domestic and overseas, was the topic of the present and the future of Russia. It was hotly debated last winter during the mass protest meetings, caused by the passed elections. In Russia and abroad, articles about an impending «white revolution» in Russia were released. This article attempts to show the link between «color revolutions» and objective historical trends of human development. The paper reviews the fundamental principles of a democratic society, showing their connection with the humanization of social life and the stability of state power, and considers the external and internal conditions and factors that make «color revolutions» possible.

Key words: color revolution; crisis of democracy; political system; global shadow structures; controlled chaos; political reform.